

DOI 10.35775/PSI.2026.126.2.034

УДК 32.327

Е.А. РЫБИН

соискатель, Уральский федеральный университет
им. Первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина,
Россия, г. Екатеринбург
E-mail: deidara@list.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ И ПРАКТИКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ФРАНЦИИ В АФРИКЕ

В статье аналитически рассматриваются механизмы реализации «мягкой силы» Франции в Африканском регионе, фокусируясь на политических и экономических инструментах, эволюционирующих в условиях глобальной конкуренции и антиколониальных тенденций. Проблематика связана с балансом между сохранением влияния через культурно-дипломатические и финансовые каналы и вызовами, такими как снижение легитимности и рост альтернативных партнерств. Основная **цель** – проанализировать эффективность политических институтов, медиапрактик и экономических стратегий Франции в поддержании доминирования в франкоязычных странах Африки. **Задачи** включают оценку роли Франкофонии, официальной помощи развитию, инвестиций и валютной зоны CFA в формировании «мягкой силы», а также выявление факторов их трансформации и ограничений. **Методы:** исследование основано на компаративном анализе. Также применены качественные методы: анализ дискурсов, сравнение экономических моделей и оценка геополитических динамик. **Результаты:** установлено, что политические инструменты, в частности институциональные механизмы Франкофонии и медиасредства, способствуют формированию политических и культурных элит и конструированию общественного мнения; одновременно их эффективность ослабляется под воздействием роста антифранцузских настроений, проявляющегося в снижении легитимности и восприимчивости целевых аудиторий. Экономические механизмы, включая ODA и CFA, обеспечивают стабильность и инвестиции, однако воспроизводят зависимости, провоцируя протесты и реформы. **Выводы:** мягкая сила Франции адаптируется к многополярному миру, но требует баланса между партнерством и суверенитетом африканских государств для устойчивости. Усиление конкуренции подчеркивает необходимость институциональных инноваций для предотвращения дальнейшего ослабления позиций.

Ключевые слова: «мягкая сила», Франкофония, CFA franc, политический инструмент, экономические инвестиции, антиколониальные настроения, глобальная конкуренция, валютная зона.

Политические и экономические ресурсы и практики «мягкой силы» Франции в Африке представляют собой сложное взаимодействие исторических связей,

современной дипломатии и культурного влияния, направленное на поддержание ее присутствия на континенте. Влияние Франции, уходящее корнями в колониальное наследие, проявляется в различных формах, включая военное присутствие, экономические инвестиции и культурную дипломатию [17]. Концепция «Франсафрики» отражает эти прочные связи, но она также вызвала значительную критику и сопротивление со стороны африканских стран, особенно в контексте роста антиколониальных настроений и появления новых глобальных игроков, таких как Китай и Россия [16].

В начале исследования следует отметить, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов, близких к данной предметной области [1-12].

Однако проблему реализации политики «мягкой силы» Франции в Африканском регионе нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Французская политическая «мягкая сила» в Африке значительно эволюционировала, особенно в контексте меняющейся глобальной динамики и появления новых международных игроков. Концепция «мягкой силы», определенная политологом Джозефом Найем, подчеркивает способность влиять на других посредством привлекательности и убеждения, а не принуждения или оплаты. В последние годы Франция пытается использовать свои исторические связи, культурные контакты и дипломатические инициативы для поддержания своего влияния на континенте [29].

Исторически Франция сохраняла сильное присутствие в Африке, часто опираясь на свое колониальное наследие для развития отношений. Использование французского языка в качестве дипломатического инструмента в XVIII и XIX веках демонстрировало его культурную привлекательность, позволяя Франции формировать политические нарративы и налаживать связи по всему континенту [29].

Однако подобные попытки дипломатической перезагрузки в основном были ограничены по ряду причин, таких как бюрократические распри, спорные политические решения, транзакционная экономическая и гуманитарная политика, а также политика безопасности, основанная на военных действиях, которая не смогла обуздать экстремизм в Сахеле и адаптироваться к социальным и политическим преобразованиям в регионе. Негативное восприятие, порожденное колониализмом, и растущая конкуренция со стороны таких стран, как Китай и Россия, побудили Францию пересмотреть свой подход к политической «мягкой силе» в Африке [28].

Формирование многополярного мирового порядка еще больше осложнило усилия Франции по укреплению своей политической «мягкой силы» в Африке. По мере того, как такие страны, как Китай, Турция и государства Персидского залива, расширяют свое влияние, освобождаясь от исторического бремени колониализма, перед африканскими государствами открываются альтернативные партнерские отношения, которые отдают приоритет экономическому

и военному сотрудничеству, не навязывая при этом ценностно-ориентированных условий [27]. Такой сдвиг создает проблемы для Франции, которой приходится ориентироваться в условиях, когда ее традиционные союзы все чаще оспариваются новыми игроками, предлагающими более выгодные условия взаимодействия [18].

Итак, ключевым политическим инструментом «мягкой силы» Франции в Африке является Франкофония.

Международная организация Франкофонии (OIF – Organisation internationale de la Francophonie), на начало 2026 года объединяющая 88 государств и правительств (54 полноправных члена, 7 ассоциированных членов и 27 наблюдателя) [23], среди которых преобладают африканские страны, представляет собой ключевой политический институт для реализации внешнеполитических и культурных интересов Франции. В контексте концепции «мягкой силы» Франкофония функционирует как платформа культурной дипломатии, где французский язык выступает в роли средства нелинейного влияния – так называемого «мягкого оружия» – для формирования общественного мнения и социальных элит. Organisation internationale de la Francophonie декларирует продвижение ценностей солидарности, равенства и многоязычия; в то же время критические исследования рассматривают эту институциональную сеть как инструмент французской гегемонии, используемый для защиты и продвижения национальных интересов в политической, экономической и безопасностной сферах. Такая двойственная природа франкофонии порождает научные диспуты о соотношении нормативной риторики и фактических стратегий влияния [14].

Французский язык является официальным в 21 африканской стране; демографические прогнозы свидетельствуют, что к 2050 году порядка 85% носителей французского языка в возрастной когорте 15-19 лет будут африканцами [27]. Франкофония способствует репродукции и формированию политико-административных элит посредством культурно-образовательных программ, ориентированных на продвижение принципов равенства, комплементарности и солидарности в контексте развития. На практическом уровне это реализуется через организацию саммитов и многосторонних платформ для обсуждения вопросов безопасности, демократического управления и экономического сотрудничества, что предоставляет Франции институциональные механизмы влияния на формирование региональных политических повесток.

Однако в ряде государств влияние франкофонных институтов демонстрирует тенденцию к сокращению. Так, в Мали в 2023 году французский язык был выведен из числа конституционно закрепленных официальных языков, что отражает усиление антифранцузских настроений и пересмотр государственной языковой политики [15].

В октябре 2024 года в Париже состоялся XIX саммит Международной организации Франкофонии, в рамках которого обсуждалась стратегия репозиционирования организации на глобальной арене; тематическая формулировка мероприятия – «Создавать, инновационировать и предпринимать на французском». В выступлениях и документах саммита подчеркивалась роль французского языка как фактора экономического развития и инструмента культурного

взаимодействия. Особое внимание было уделено африканскому континенту как основному драйверу демографического и функционального роста «франкофонии»: согласно существующим демографическим прогнозам, численность франкофонов к 2050 году может составить 750 млн человек, при этом значительная часть этого прироста придется на страны Африки [30].

В марте 2025 года в рамках Месяца Франкофонии (Francophonie Month) была обновлена реализация обязательств, принятых по итогам саммита в Вильер-Коттере (Villers-Cotterêts) 2024 года, с приоритетным фокусом на содействии занятости молодежи, поддержке культурного разнообразия и противодействию общим глобальным вызовам, в частности, вопросам регулирования и внедрения технологий искусственного интеллекта, а также обеспечения продовольственной безопасности. Франция, выступая принимающей стороной трех международных саммитов в 2025 году, в том числе по вопросам искусственного интеллекта и продовольствия, интегрировала повестку Франкофонии в инструментарий собственной внешней политики, продвигая французский язык в качестве языка дипломатии и делового общения на африканском континенте [20].

Саммит Ambition Africa 2025 в Париже акцентировал роль экономических партнерств как ключевого инструмента взаимодействия с африканскими государствами. В работе форума, участниками которого выступили министры и генеральные директора крупных компаний, подчеркивался стратегический переход от использования военных механизмов влияния к инструментам экономической дипломатии – прежде всего к стимулированию инвестиций и расширению торговли, рассматриваемым как более устойчивая и приемлемая основа для развития двусторонних и многосторонних связей [13]. Для африканского региона это создает обеспечение доступа к современным французским технологиям, интеграция в международные товарные и финансовые рынки и привлечение внешних инвестиций; формирование партнерств, направленных на развитие транспортной, энергетической и социальной инфраструктуры и реализацию проектов «зеленой экономики», повышающих экологическую устойчивость; создание институциональных и финансовых механизмов, способствующих масштабированию инновационных стартапов и укреплению их коммерческой состоятельности.

Государственные медиаканалы Франции – Radio France Internationale (RFI), France 24, TV5 Monde и Canal France International (CFI) – функционируют как эффективные инструменты государственной «мягкой силы», обеспечивая трансляцию французской интерпретации событий, ценностных ориентиров и политических приоритетов для африканской аудитории. Посредством новостных выпусков, аналитических программ, культурного и образовательного контента эти СМИ формируют дискурсы, влияют на повестку и конструируют представления о нормах и приоритетах. Их воздействие дополнительно усиливается за счет использования цифровых платформ и стратегий целевого вещания, что повышает способность Франции проецировать политико-культурное влияние в регионе [21].

На практическом уровне это коррелирует с концептом «цифровой франкофонии» – применением информационно-коммуникационных технологий для вовлечения молодежи посредством онлайн-платформ и социальных сетей,

что усиливает инструментарий влияния в условиях цифровой трансформации общественной коммуникации. Вместе с тем возникают значимые вызовы, связанные с восприятием подобных медиапрактик как инструментов пропаганды, особенно в контексте военных операций (в частности операции «Бархан» в Сахеле) [18]. Такое восприятие способствует росту антифранцузских настроений и ослаблению легитимности франкофонных институтов, что открывает пространство для перераспределения внешнего влияния в пользу конкурентов, таких как Китай и Российская Федерация.

Экономическая «мягкая сила» Франции в Африке характеризуется стратегическими инвестициями, торговыми связями и помощью в развитии, которые культивировались на протяжении веков. Ключевые компоненты этой системы включают официальную помощь развитию (ODA), притоки прямых иностранных инвестиций частного сектора, институциональные механизмы управления валютой CFA франк и разнообразные программы экономического партнерства. Хотя эти инструменты трансформировались от форм колониальной эксплуатации к современным моделям сотрудничества, они сохраняют структурную асимметрию – выраженную в дисбалансе экономической власти, зависимостях в финансовой и торговой интеграции, а также в неравных условиях доступа к ресурсам и институциональному влиянию [10].

Официальная помощь развитию (ODA) рассматривается как инструмент внешнеполитического влияния и формирования престижа государства. Франция сохраняет статус одного из ключевых доноров ODA в странах Африки, направляя значительные финансовые ресурсы в проекты в сферах инфраструктуры, здравоохранения и образования. Такое целевое финансирование рассматривается как механизм усиления французской «мягкой силы» за счет демонстрации солидарности и повышения привлекательности национальной модели развития.

Во второй половине 2010-х годов наблюдалась явная интеграция помощи в оперативную безопасность: при президентстве Франсуа Олланда (2012-2017) практика ODA была сопряжена с военными операциями (включая «Сервал» и «Бархан») и использовалась в рамках политики стабилизации регионов поражения конфликтами. Начиная с президентства Эммануэля Макрона (с 2017 года) произошла институциональная и программная переориентация в сторону проектов устойчивого развития и долгосрочного экономического развития, в том числе через инициативы вроде «Альянса за Сахель» с бюджетом в размере 500 млн евро, нацеленные на комплексное развитие и укрепление устойчивости региональных систем [21].

Условно-привязанная помощь, реализуемая через ориентацию финансирования на контракты с французскими компаниями, рассматривается как экономический инструмент, обеспечивающий возврат инвестиций и укрепляющий экономическое присутствие Франции в принимающих странах. Такая практика способствует созданию взаимовыгодных коммерческих связей и может усиливать экономическое доминирование донора за счет направленного стимулирования национальных корпоративных интересов.

Эмпирические исследования указывают, что связанная помощь способствует формированию положительной предрасположенности к донору среди

элит и широких слоев населения, что повышает геополитическое влияние Франции в условиях конкуренции с другими внешними акторами, прежде всего Китаем и США. Одновременно данная модель финансирования подвергается критике за риски институциональной и экономической зависимости принимающих государств, снижение местной конкурентоспособности и приоритизацию коммерческих интересов донора над приоритетами устойчивого развития реципиента.

На практическом уровне эти динамики проявляются неоднозначно: в 2020-2023 годах Франция увеличила объемы ODA в ряде стран Западной Африки, однако серия военных переворотов в Мали и Буркина-Фасо привела к росту антифранцузских настроений и вынужденному сокращению или пересмотру ряда программ сотрудничества. Данный опыт иллюстрирует одновременно потенциал связанной помощи для укрепления влияния и ее уязвимость перед политической нестабильностью и изменением общественного отношения к донору.

Экономическая «мягкая сила» Франции реализуется через предоставление торговых преференций и через приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ, англ. FDI) крупных корпораций – таких как TotalEnergies, Bolloré, Orange и Bouygues – которые занимают лидирующие позиции в секторах энергетики, логистики, телекоммуникаций и строительства в франкоязычных странах Африки. Такие инвестиции способствуют созданию рабочих мест и развитию инфраструктурных проектов, что повышает экономическую и политическую привлекательность Франции в качестве внешнеэкономического партнера [22]. Вместе с тем деятельность указанных компаний регулярно подвергается критике за практики, приводящие к рыночной концентрации и неравномерному распределению выгод от пользования природными и трудовыми ресурсами. Инструментарием государственной политики в этой сфере служат соглашения об экономическом партнерстве (Economic Partnership Agreements, EPA) в рамках ЕС, посредством которых Франция лоббирует предоставление преференций своим фирмам, обеспечивающих доступ к локальным рынкам в обмен на обещания по инвестициям и содействию развитию.

При президентстве Эммануэля Макрона наблюдается смещение инвестиционной активности французских компаний в сторону проектов «зеленой» экономики, в частности в области возобновляемой энергетики в Сенегале и Кот-д'Ивуаре, что способствует репозиционированию Франции как актора в сфере устойчивого развития. В то же время доминирующее положение ряда корпораций – например, контроль Bolloré над портовой инфраструктурой в 15 африканских государствах – усиливает их структурную власть и формирует экономические связи, которые могут маскировать практики, интерпретируемые как неокOLONIALНЫЕ. Усиление конкуренции со стороны Китая, предлагающего льготные и беспроцентные кредиты, снижает эффективность традиционных инструментов влияния и стимулирует необходимость реформирования французской стратегии экономического присутствия и инструментов внешнеэкономической политики [24].

Валютная зона CFA franc, охватывающая 14 африканских государств, выступает значимым инструментом экономической «мягкой силы» Франции в силу институциональной привязки национальных валют к евро и наличия обязательных операций с французским казначейством, предусматривающих хранение значительной доли официальных валютных резервов во Франции (традиционно порядка 50%). В институциональном плане такая схема функционирует как форма валютного якоря и частичной валютной интеграции, обеспечивая низкую инфляцию, снижение транзакционных издержек и повышение предсказуемости обменного курса – факторы, способствующие торговой и инвестиционной привлекательности. Одновременно фиксированная привязка и ответственность за резервы ограничивают возможности национальных центральных банков проводить независимую монетарную политику, ослабляют инструменты макроэкономической адаптации и порождают риски оттока капитала и утраты сеньоража. В результате функционирование зоны CFA вызывает широкий спектр критики: от ограничений экономического суверенитета до асимметричных выгод в пользу бывшей метрополии, что поддерживает требования по институциональным реформам и пересмотру существующих финансово-политических взаимоотношений [20].

При президентстве Эммануэля Макрона в 2019 году была инициирована серия институциональных реформ зоны CFA, предусматривавшая, в частности, переименование западноафриканской валюты в «Есо» и поэтапную отмену требуемого хранения части валютных резервов в казначействе Франции с ориентировочной датой завершения в 2020 году. Данные меры декларировались как попытка частично реструктурировать инструментарий валютной интеграции и снизить политическую уязвимость, смягчив обвинения в неокOLONIALНЫХ практиках, одновременно сохраняя элементы валютообеспечительной координации для поддержания ценовой стабильности и финансовой предсказуемости [21].

Экономическая практика, основанная на гарантиях конвертируемости валюты, повышает привлекательность для иностранных инвесторов, одновременно углубляя экономическую зависимость государств региона от Франции. Ряд исследований рассматривает CFA franc как механизм структурной власти, посредством которого Франция обеспечивает дистанционный контроль над экономиками франкоязычных стран без прямого административного вмешательства, что во многом превосходит по масштабу влияние Китая в этих государствах [25]. При этом, несмотря на предпринимаемые реформы, массовые протесты 2020–2023 годов в Нигере и Мали сопровождались призывами к выходу из валютной зоны, что существенно ослабило функциональную значимость данного института.

В целом экономические инструменты Франции проходят трансформацию от прямого доминирования к более партнерским формам взаимодействия, при этом они остаются объектом критики за воспроизводство неокOLONIALНЫХ структур. Такая трансформация позволяет Франции сохранять влияние, но требует адаптации институциональных и политико-экономических механизмов

в условиях возрастания африканского суверенитета и усиливающейся глобальной конкуренции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Адам Альамин Исхаг Джубара.** Формирование современной внешней политики Судана: вызовы и роли // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 8.
2. **Бдоян Д.Г., Гаврильчак Н.А., Суслин С.С.** Транспортный коридор LAPSET как элемент китайской инфраструктурной стратегии в Африке // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 7.
3. **Залысин И.Ю.** Терроризм в Сахеле: причины, особенности, перспективы // Вопросы политологии. 2025. № 1.
4. **Леон А.У.** Политика Российской Федерации в отношении франкофонных стран Африки в 2011-2024 г. // Вопросы политологии. 2025. № 4.
5. **Ли Цянь.** Операции по поддержанию мира России и Китая под эгидой ООН в Африке // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 9.
6. **Нга Этжеке Даниель Виктуар.** Саммит ЕС-АС: как Европа формирует политику Африки // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 9.
7. **Нгенар Эммануэль.** Расширение БРИКС в Африке политические мотивы Африканских членов и стран основателей // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2026. № 1.
8. **Ротанев А.В.** Особенности политической обстановки в африканских государствах: взгляд на регион Конфедерации Альянса государств Сахеля // Вопросы политологии. 2025. № 5.
9. **Умар Бешир Якуба.** Многосторонние инициативы Франции в Сахеле: роль G5 Sahel и взаимодействие с Африканским Союзом // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 3.
10. **Филиппов В.Р.** Выборы 2024 года в Сенегале: закат «Франсафрик» // Вопросы политологии. 2025. № 4.
11. **Филиппов В.Р.** Франция и ДР Конго: эволюция межгосударственных отношений // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 9.
12. **Япи Жоэлле Роланд, Мухамедов Р.А.** Влияние внешней политики современной России на франкоязычные африканские страны с 2014 г. по 2022 г. // Вопросы политологии. 2025. № 1.
13. **Ambition Africa 2025: two days to build our economic future together** // Business France. 2025 // <https://en.media.businessfrance.fr/news/ambition-africa-2025-two-days-to-build-our-economic-future-together-a3390-aba4d.html>.
14. **Anthonia U.N.** Positioning French Language as a Strategic Linguistic Tool for Peacebuilding and Regional Integration in West Africa / U.N. Anthonia, A.U. Anthonia // Jalingo Journal of Languages and Literary Studies (JAJOLLS). 2025. Vol. 9, no. 3.

15. **Bouheddi A.** The future of French soft power in Africa // Africa Practice. 2023 // <https://africappractice.com/insights/the-future-of-french-soft-power-in-africa>.
16. **Chanda C.T.** French colonialism and neocolonialism in Africa: A comprehensive analysis / C.T. Chanda [et al.] // World Journal of Advanced Research and Reviews. 2024. Vol. 23, iss. 3.
17. **Chitondo L.** The Ongoing Influence of French Colonialism in Former African Colonies: A Comparative Analysis / L. Chitondo, T.C. Chanda, D.L. Mpolomoka // GSJ. 2023. Vol. 11, iss. 11.
18. **Cohen C.** Will France's Africa Policy Hold Up? // Carnegie Endowment for International Peace. 2022 // <https://carnegieendowment.org/research/2022/06/will-frances-africa-policy-hold-up?lang=en>.
19. **Degterev D.A., Stepanova V.S.** Monetary Relations of France with the Countries of West Africa: Full-Texts Database on the «Last Colonial Currency» of Africa. International Law and International Organizations. 3 // <https://doi.org/10.7256/2454-0633.2025.3.75036>.
20. Francophonie Month 2025: Update on the implementation of the commitments made at the Villers-Cotterêts summit (21 March 2025) // Ministry for Europe and Foreign Affairs. 2025 // <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/french-foreign-policy/francophony-and-the-french-language/news/2025/article/francophonie-month-2025-update-on-the-implementation-of-the-commitments-made-at>.
21. **Khalilova M.S.** French Soft Power and development policy in Africa under the presidencies of F. Hollande and E. Macron – a comparative analysis (2012-2021). International relations. 3. <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2024.3.48500>
22. **Kohnert D.** French domination of markets in Francophone Africa: Post-colonialism at its finest? // Institute of African Affairs (2022), GIGA-HamburgMPRA. Paper No. 112024 // Munich Personal RePEc Archive. // https://mpra.ub.uni-muenchen.de/112024/1/MPRA_paper_112024.pdf.
23. La Francophonie – espace de coopération multilatérale // Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères // <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/politique-etrangere/frankofoniya-i-francuzskij-yazyk/la-francophonie-espace-de-cooperation-multilaterale/>.
24. **Mattheis F.** How to wield regional power from afar: a conceptual discussion illustrated by the case of France in Central Africa // International Politics. 2021. Vol. 61.
25. **Mbabia O.** Structural power toward weak states: France, not China, matters in francophone Africa // Austral: Brazilian Journal of Strategy & International Relations. V. 3. n. 5. Jan-Jun. 2014.
26. **Meyer A.** The End of Françafrique: A Second Decolonisation Wave in Africa // oiip. 2025 // <https://www.oiip.ac.at/en/publications/the-end-of-francafrigue-a-second-decolonisation-wave-in-africa/>.
27. **Milhiet P.** Geopolitics of the French Language // S. Rajaratnam School of International Studies. 2024 // <https://rsis.edu.sg/rsis-publication/idss/ip24083-geopolitics-of-the-french-language>.

28. Mishra A. Analysing France's new strategy for Africa // Observer Research Foundation. 2023 // <https://www.orfonline.org/expert-speak/analysing-frances-new-strategy-for-africa>.
29. Soft power diplomacy // DiploFoundation // <https://www.diplomacy.edu/topics/soft-power-diplomacy/>.
30. Summit of the OIF: repositioning the Francophonie on the global stage // Africa News Agency. 2024 // <https://africa-news-agency.com/summit-of-the-o-if-repositioning-the-francophonie-on-the-global-stage>.

E.A. RYBIN

Applicant, Ural Federal University

named after the First President of the Russian Federation

B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

FRANCE'S 'SOFT POWER' IN AFRICA: POLITICAL AND ECONOMIC RESOURCES AND PRACTICES

*This article analytically examines the mechanisms by which France implements its 'soft power' in the African region, focusing on political and economic instruments that have evolved in the context of global competition and anti-colonial tendencies. The issues concern the balance between maintaining influence through cultural, diplomatic and financial channels and the challenges posed by waning legitimacy and the rise of alternative partnerships. The main objective is to analyse the effectiveness of France's political institutions, media practices and economic strategies in sustaining dominance in francophone African countries. **Aims:** the study includes an assessment of the role of the Francophonie, official development assistance, investment and the CFA franc zone in shaping France's soft power, as well as identification of the factors driving their transformation and the constraints they face. **Methods:** the research is based on comparative analysis. Qualitative methods are also employed: discourse analysis, comparison of economic models and assessment of geopolitical dynamics. **Results:** The study finds that political instruments, notably the institutional mechanisms of the Francophonie and the media, help to shape political and cultural elites and to construct public opinion; at the same time their effectiveness is weakened by the rise of anti-French sentiments, manifested in declining legitimacy and reduced receptiveness among target audiences. Economic mechanisms, including official development assistance (ODA) and the CFA franc, provide stability and attract investment, yet they tend to reproduce dependencies, prompting protests and reforms. **Conclusions:** France's «soft power» is adapting to a multipolar world, but its durability requires a balance between partnership and the sovereignty of African states. Growing competition underscores the need for institutional innovation to prevent further erosion of France's position.*

Key words: «soft power», Francophonie, CFA franc, political instruments, economic investments, anti-colonial sentiments, global competition, currency zone.